
РЕЦЕНЗИИ

РЕВОЛЮЦИЯ ДУХА

Заметки о книге Карла Кантора «Тринадцатый апостол» (М., Прогресс – Традиция. 2008)

Карл Моисеевич Кантор по своей нравственной позиции в книге «Тринадцатый апостол» - максималист. Он остался до конца верным своим идеалам, он выдержал испытание жизнью – это большой его личный подвиг. Вместе с тем эта позиция, как позиция исследователя, делает невероятно сложной оценку великих личностей, особенно тех, кто не просто творил, но еще и пытался изменить мир, общество, как верхи его, так и низы.

Я остановлюсь на трех идеях, которые меня глубоко затронули в книге К. Кантора, бесконечно богатой и по трактовке поэтического наследия Маяковского, и по знанию нашей российской культуры, и по богатству слова.

Первая и самая главная идея касается революции духа. Незадолго до смерти Маяковский пишет пророческие слова: Встает из времен / Революция другая / Третья революция - Духа.

К чему будет звать эта революция духа? К. Кантор дает прямой ответ - и тогда, и сегодня она зовет Россию - к действительному социализму. Автор имеет в виду Марксов проект. (С.85). Да, только этот путь открывает перед страной Будущее.

Вспомним нашу недавнюю историю. Настоящий Маяковский вернулся в советское общество, сразу после смерти Сталина и начала оттепели. «Если уж признавать поэзию, то только Маяковского». Так говорит один из главных героев повести И. Эренбурга «Оттепель». Затем потрясение основ мещанского московского благополучия - молодые поэты начинают читать стихи прямо у памятника Маяковскому, а затем на поэтических вечерах, собиравших тысячи поклонников поэзии. Вновь ставятся в театрах Москвы и далеко за ее пределами Баня и Клоп.

Помню, какое сильное впечатление на меня произвели строчки из Маяковского, зазвучавшие с экрана в фильме М. Хуциева «Мне двадцать лет». В главной роли - Н. Губенко, идущий по ночному Садовому кольцу и закадровый голос, читающий строчки из второго вступления к поэме Маяковского «Во весь голос»: Уже второй / должно быть ты легла / А может быть и у тебя такое./ Я не спешу и молниями телеграмм / Мне незачем тебя будить и беспокоить».

В конце 60-х годов, особенно после чехословацких событий 1968 г., борьба за социализм с человеческим лицом всерьез испугала партийные верхи. Маяковского незаметно отодвигают куда-то на периферию культурной жизни страны. Оттепель закончилась, он вновь неактуален.

Сегодня нет Маяковского в культуре постсоветского общества. Если начнут сегодня ставить Маяковского, читать, обсуждать его, тем более на телевидении, тогда это будет означать одно - начало революции духа в нашем обществе, по словам К. Кантора, криминально-номенклатурного квазикапитализма. Но если это так, то можно быть спокойным сегодня. Общество еще долго будем жить без Маяковского. После чтения книги К. Кантора начинаешь понимать, каким чутким барометром становится сегодня отношение к Маяковскому. Если Маяковский вернется, то революция духа в нашем обществе станет неизбежной и скорой.

Вторая идея - это трактовка Маяковского, как апостола и его апостольского служения вере. О какой вере идет речь? По Кантору Маяковский был убежден в глубокой внутренней связи Христа и Маркса. В книге это показано на всем творчестве Поэта с потрясающей убедительностью. У тут у меня возникает вопрос по поводу оценки, сделанной в книге на стр.85: « К 1928 г. тринадцатый апостол понял, что советское общество на деле есть симбиоз грубого, деспотического и казарменного коммунизма, ничего общего не имеющего с коммунизмом ни Маркса, ни Христа. Маяковский заклеил и отверг советский общественный строй, выдававший себя то за социализм, то за коммунизм в их Марксовом понимании». Конечно, если нет ничего общего, то апостол должен погибнуть. И он погибает, детали второстепенны.

Действительно ли Маяковский отрекся от социализма к 1928 г.? Позиция К.М. Кантора на взгляды и творчество Маяковского после 1922 г. звучит так: переход к новой экономической политике был прямым отступлением от Октября, ведущим к возрождению капитализма, к формированию нового господствующего класса партсоветской номенклатуры и нового городского среднего класса, к расслоению деревни. Но ведь если у Октября были какие-то идеалы, то уже в октябре 1917 г. было ясно, что состоялась революция атеистическая (хотя никому не возбраняется интерпретировать коммунизм как новую религию). Тогда и Октябрь принять нельзя, а Маяковский одним из первых среди деятелей культуры принял революцию Октября 1917г. Или – или, третьего не дано.

Вообще, трагедия России последних веков - это величайшая трагедия, корни которой лежат, согласно точке зрения К. Кантора как теоретика проектизма, в противоборстве истории как великих целей и социокультурной эволюции общества. Сначала Россия отстает исторически от Запада, находится в зависимости от него (это тоже по Марксу, но изображенное в других координатах), затем история в Октябре 1917 г. резко вырывается вперед, и, наконец, общество вновь поглощает историю, или ее засасывает планктон социокультуры, по выражению К. Кантора.

Автор пишет удивительные вещи про Ленина. « Предвидя неизбежные катастрофические последствия восстания за власть Советов, Ленин все же понимал, что легче будет преодолеть возможные катастрофы, чем падение в пропасть великого народа и великого государства. ... Навсегда пора понять, что, торопя большевистский

переворот в России, Ленин спас Европу, Россию, а с ними весь остальной мир от реальной угрозы фашизма» (С.115).

Другими словами, резкое опережение историей социокультурного состояния общества имеет свою социальную цену. Ибо нет прямого пути к вершинам идеала, он может быть поэтически изображен в «Мистерии-буфф», но в реальной жизни все обстоит совсем по-другому. Максималистская установка К. Кантора и цена прогресса – попытка решения этой дилеммы предпринимается в книге в плоскости идеологии.

И отсюда третья очень интересная идея, которая проведена К. Кантором через все исследование. Это превращение Маяковского не просто в апостольского служителя веры, но в идеологического работника. Автор так и пишет о раздвоении творчества поэта: Есть Маяковский художественный, религиозный, историсофский, а есть Маяковский идеологический.

Маяковский идеологический - явление уникальное и гениальное в своей неповторимости. Эта работа каторжная, когда нужно поднимать изо дня в день социокультуру до уровня величественных исторических задач. Столкновение идеала и повседневной далеко не радостной советской жизни тех времен Маяковский переживал тяжело. И работать к концу 20-х г. ему становились все труднее. Кантор считает, что пьеса Баян – это «ревизор» авгиевых конюшен сталинизма, но, увы! сталинизма тогда еще не было.

Вопрос - в другом. Маяковский действительно чувствовал, как возникала система принудительной мобилизации общества. Начиналась другая эпоха, Вписывался ли Маяковский в эпоху великого перелома. И да, и нет. Социальная цена прогресса становилась все более высокой, а впоследствии оказалась ужасной. В страстном призыве К. Кантора «да - коммунистическому идеалу Маркса, нет идеалу, замаранному партийной ленинской идеологией» - где-то затерялось сложнейшая диалектика идеала и повседневности.

Мог бы быть иным исход личной трагедии Поэта? Мог ли стать Маяковским типичным диссидентом, т.е. борцом за «человеческий социализм», за социализм с человеческим лицом. Увы! В его творчестве нет и намека на двойственное, двойное сознание, ставшее впоследствии буквально визитной карточкой советской художественной, всей творческой интеллигенции. Хотя надо сказать, Б. Пастернак и О. Мандельштам уже отличались этим в 30-е г.

У Маяковского вообще нет иронии, как принципа. Есть сатира.

Ирония как принцип творчества разлагает абсолютно все, в том числе и возвышенно-революционное. Поэтому в некотором смысле ирония разъела и советский социализм. С сатирой дело обстоит посложнее.

Итак, куда может привести новая революция духа? Это стало главным вопросом для меня после прочтения книги. Нет, я уже сказал, сегодня Маяковскому некуда возвращаться. Много еще должно пройти времени, прежде чем будет реабилитиро-

вана марксова, она же европейская идея социализма в сознании нашей творческой интеллигенции. И полусоциалистическая Европа нам сегодня не указ, а ведь все мы хотим стать европейцами. И здесь я прихожу к выводу, что сначала в Россию пришел Маркс без Христа, теперь возвращается Христос без Маркса. Вот так развивается история в России.

А где же тот желанный синтез Маркса и Христа, которому отдал столько сил и вдохновения К.М. Кантор? Идеалы и жизнь в России - это вечные странники, которые никогда не встречаются друг с другом, а если и встретятся на мгновение, то проходят мимо. И на что тогда можно надеяться?

*Владимир Николаевич Шевченко,
д.ф.н., зав. сектором Института философии РАН.*